

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 81'373.611
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>

Поступила в редакцию 26.02.2019
Received 26.02.2019

А. В. Никитевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена такой хорошо известной, на первый взгляд, в теории словообразования единице, как словообразовательная пара. Построение различных фрагментов словообразовательного гнезда базируется на основе различных объединений родственных единиц (словообразовательных цепочек, словообразовательных парадигм), важнейшим элементом которых является словообразовательная пара. С учетом особенностей словообразовательной лексикографии представляется достаточно актуальным вопрос: сколь различно семантическое наполнение словообразовательных пар в некоторых подсистемах русского языка (литературный язык/говоры)? Словообразовательные пары могут наполняться различным семантическим содержанием, так как различны лексические значения производящей и производной единиц. Однако очевидно, что словообразовательная пара – это результат *моделирования*, при котором учитывается собственно словообразовательная семантика. Если в каждом конкретном случае учитывать и лексические значения производящих и производных, то приходится говорить о наличии некоторого количества лексико-словообразовательных пар. Автор обращает внимание на необходимость рассмотрения трех групп единиц: 1) словообразовательные пары как объединения слов в системе литературного языка; 2) словообразовательные пары диалектные, которых не знает литературный язык; 3) словообразовательные пары синтезированного типа, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка. В последнем случае производные слова в говорах нередко претендуют на роль «заполнителей» словообразовательных и семантических лагун.

Ключевые слова: словообразовательная пара, словообразовательная семантика, лингвистическое моделирование, фрагменты лексико-словообразовательных гнезд

Для цитирования. Никитевич А. В. Словообразовательная пара: теория и практика лексикографирования / А. В. Никитевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 450–456. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>

A. V. Nikitevich

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

DERIVATIONAL PAIR: THEORY AND PRACTICE OF LEXICOGRAPHY

Abstract. The article is devoted to such a seemingly well-known in the theory of word formation unit as a derivational pair. The construction of various fragments of family of words is based on different combinations of related units (word-building chains, word-building paradigms), the most important element of which is a derivational pair. In the light of the peculiarities of derivational lexicography, the following question appears to be relevant: how different is the semantic content of derivational pairs in certain subsystems of the Russian language (literary language / dialects)? Derivational pairs can have different semantic content because of the differing lexical meanings of the base and the derivative. However, a derivational pair is obviously the result of modelling in which the word-building semantics proper is taken into account. If lexical meanings of the base and the derivative are taken into account in each particular case, then it is necessary to speak about the existence of some quantity of derivational pairs. The author draws attention to the necessity of examining the three following groups of units: 1) derivational pairs as combinations of words in the system of the literary language; 2) dialectal derivational pairs unknown in the literary language; 3) derivational pairs of synthesized type, when the combination of a dialectal word and a literary word is possible. In the latter case, the derived words often take on the role of «fillers» of word-building and semantic lacunas in dialects.

Keywords: derivational pair, semantics of word formation, linguistic modelling, fragments of lexical word-building families of words

For citation. Nikitevich A. V. Derivational pair: theory and practice of lexicography. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 450–456 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-450-456>

А. Н. Тихонов, перечисляя круг вопросов, связанных с описанием словообразовательных цепочек, в свое время сетовал, что «не изучены СЦ с точки зрения их семантической структуры, формального строения» [1, с. 10]. И если с описанием формального строения различных типов словообразовательных цепочек было достаточно просто, о чем свидетельствует целый ряд работ [2–4], то семантические преобразования (либо непреобразования), происходящие при соединении как минимум двух словообразовательных пар, требовали более тщательных и далеко не механистических исследований. Об этом свидетельствуют высказывания различных лингвистов. Так, еще А. А. Потебня писал: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [5, с. 83–84]. По мнению Л. А. Новикова, «специфика словообразовательного значения в том, что оно лежит в плане междусловной мотивированности, представляя собой одно из проявлений “внутренней формы...”». Словообразовательная семантика имеет отношение к сфере производных слов, к проблематике лингвистического конструирования словообразовательных цепочек, гнезд, подсистем и всей деривационной системы языка, к проблеме словообразовательного синтета» [6, с. 19–20].

В свое время Ш. Балли писал: «...Простой знак может получить многочисленные значения... в то время как мотивированный знак уже в силу одной своей сложности лишен возможности представлять много значений» [7, с. 374]. Развивая далее мысль Ш. Балли, О. П. Ермакова делает вывод: «...Чем более сложной словообразовательной структурой обладает слово, тем менее сложна его семантическая парадигма» [8, с. 40–41]. Обращаясь к проблеме изучения особенностей лексической семантики производных слов, исследователь развивает свою мысль: «При изучении деривационной цепи обнаруживаются некоторые семантические закономерности, недостаточно очевидные при анализе отдельных ее звеньев... В словообразовательной цепи наблюдаются смысловые отношения между звеньями, которые не обнаруживаются в словообразовательной паре» [8, с. 39]. В дальнейшем данной проблематике автор посвятил целую монографию [9].

Хорошо известно, что, помимо словообразовательного гнезда, в свое время часто использовался и термин «лексическое гнездо» [10; 11]. При этом учитывалось, что связи между родственными словами не исчерпываются отношениями словообразовательной производности, имеют место и самые многообразные отношения лексической мотивации, возникающие («спровоцированные») на основе семантики корневой морфемы. В рамках лексического гнезда можно найти место и таким объединениям родственных слов, которые очевидны благодаря мотивации лексической, а не словообразовательной мотивированности. В этой связи, на наш взгляд, есть все основания в некоторых (вполне конкретных) случаях рассматривать в качестве моделируемых фрагментов лексико-словообразовательные пары, лексико-словообразовательные цепочки, лексико-словообразовательные парадигмы. К слову говоря, почему в случае удивительного многообразия значений (например, диалектных слов *пятерик*, *пяток*) не говорить о наличии своеобразной семантической парадигмы, демонстрирующей семантический потенциал той или иной однословной «материальной» структуры в языке говоров.

Ср.: *Пятерик* 1. ‘Денежный знак или сумма в пять рублей’ Пск., Осташк. Твер., 1855. *Ну, дайте за эта пятерики* Дон. 2. ‘Воз сена из пяти копен’ Арх., Волог., 1890–1893. 3. ‘Укладка из пяти снопов’ Волог., 1902. *Суслон – так десять снопов, а пятерик – пять*. Новг., Калин., Коми АССР. 4 ‘Набор из пяти сундуков различных размеров, вставленных один в другой’ Бломквист, 1956. 5. ‘Лодка, сделанная из пяти досок’ *У нас пятерик, он, конечно, перегонит, если Гошке еще дваярушным, да лопасным веслам грестись, дак тогда можно состязаться* Кирен., Иркут., 1960. 6. ‘Рог марала с пятью отростками’ *Маралий рог с отростелями, пять если, так пятерик* Усть-Канск Горно-Алт., 1964. 7. ‘Кисть руки’ Пск., Осташк. Твер., 1855. *Пятерик-то у тебя хороший* Свердл. *Хватить пятириком. ‘Дать оплеуху’. Хватил его пятириком.* Даль. 8. ‘Животное

в возрасте пяти лет' *Бычка пяти лет называют пятерик*. Кокчетав. 9. 'Сенокосный участок в пять десятин' *Скосил два пятерика сена*. Ряз., 1902. 10. 'Бревно длиною в пять саженой (около 10,5 м)' Слов Акад. 1822, Кадн. Волог., 1854. *Ежели дерево пять сажен длины – это пятерики*. Перм. 11. 'Бердо на пять или пятнадцать пасм' Вельск. Арх., 1957. || Нитка или веревка из пяти прядей Даль. 12. 'Рыболовная сеть с ячеей размером в пять пальцев' Пск., 1912–1914. *Ставные сети разные бывают двойники, есть еще четверники, пятерики* Пск. 13. 'Единица счета в ткачестве' Усть-Канск, Горно-Алт., 1971. 14. 'Деревянная борона в 20 зубьев' Яросл., 1896. 15. 'Небольшое помещение для содержания домашних животных' *Давайте построим пятерик для поросенка да курей*. Медын Калуж., 1955. 16. 'Семейский религиозный праздник в честь пятого ребенка' *У некоторых семейских этот праздник назывался пятерик*. Забайкалье, 1980. 17. 'Поленница дров' Яросл., 1970. 18. 'То же, что пятерка (в 5-м знач.)' *Пятерик – тоже коса, больше пятериками и косят*. Соль-Илецк Чкал., 1955. 19. 'Одна из плоскостей гранящегося камня' Урал, 1936 [12, т. 33, с. 219–220].

Возвращаясь к новым (или давно забытым старым!) терминам, можно пояснить один из них на конкретных примерах. При моделировании лексико-словообразовательных парадигм вполне возможно рассматривать не только совокупность очевидных словообразовательных пар, например, *пять – пятерик* (*пятерик* 1. 'Денежный знак или сумма в пять рублей', 2. 'Воз сена из пяти копен', 3. 'Укладка из пяти снопов' и т. д.), но и такие объединения *родственных по корню* единиц, когда их «содружество» определяется лишь формально: *пять – пятерик* (17. 'Поленница дров'); *пять – пятерки* ('Ткацкие станки, вырабатывающие ткань шириной около 18 см.').

В некоторых случаях словообразовательная цепочка легко восстанавливается благодаря совершенно очевидным «пропущенным» звеньям. Сравните: *пять – пятерица – (*пятеричный) – пятерично*. *Пятерица* 'Пяток, пять, пятеро'. Даль. *Пятерично*, нареч. 'Пять раз, помножив на пять'. Даль. [12, т. 33, с. 220]. Хотя очевидно, что «пропущенное звено» легко заполняется словом *пятеришный* 'Вмещающий пять мер чего-л.' *Оно небольшое озерцо-то. Стену прошли – пятеришный мешок наклали*. Ульянов., 1952 [12, т. 33, с. 220].

Возникает очень интересный вопрос: *сколько различно семантическое наполнение словообразовательных пар*, к примеру, *пятерик – пятериковый* в системе русского литературного языка и в говорах? В говорах в паре *пятерик* (в 12-м знач.) – *пятериковый* второе слово имеет значение 'Относящийся к пятерику (в 12-м знач.), служащий для изготовления пятерика' *Пятериковая лопатка* (для вязания сетей) Ср. Урал, 1976. *Пятериковая сеть*. То же, что пятерик (в 12-м знач.) Р. Урал, 1975.

В системе литературного языка: *Пятериковый* 'Представляющий собой пятерик (в 1-м знач.); содержащий пятерик чего-либо'. *Пятериковый куль*. *Пятериковая гиря*. Пятериковые свечи. Свечи, которых приходится 5 штук на фунт. – Отчего вы разом не дадите 10 копеек на целый фунт пятериковых свечей? (Фет. Ранние годы моей жизни) [13, т.11, 1820].

Словообразовательные пары могут наполняться различным семантическим содержанием, так как различны лексические значения производящей и производной единиц! Однако очевидно, что *словообразовательная пара* – это минимальная комплексная единица системы *словообразования*, результат *моделирования*, при котором учитывается собственно *словообразовательная семантика*. Если в каждом конкретном случае учитывать и лексические значения производящих и производных, то придется говорить о наличии некоторого количества *лексико-словообразовательных пар*. Причем следует отметить, что в нашем случае, применительно к материалу нашего исследования, необходимо рассматривать и *словообразовательные пары синтезированного типа*, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка. Сопоставим ряд слов, отмечаемых в системе литературного языка и в русских народных говорах.

Пятерка '1. Разг. Цифра 5'. *Написать пятерку* // Название предметов, именуемых этой цифрой, например: трамвай №5. 2. 'Школьная отметка'. 3. 'Денежный знак или сумма в пять рублей'. 4. 'Игральная карта, имеющая 5 очков'. 5. Разг. 'Группа из пяти человек или из пяти предметов'. 6. 'Обл. Кадка, вмещающая 5 мер зерна'. *Пятерочка* 'Разг. Уменьш.-ласк. к пятерка'. *Пятерочник* 'Разг. Ученик, обычно получающий высшую отметку – пятерку; отличник'. *Пятерочница* 'Разг. Женск. к пятерочник' [13, т. 11, 1822].

В говорах: *Пятёрка* 1. 'Обоз из пяти лошадей с одним ямщиком' *Пятёрка – это пять лошадей друг за другом гуськом, а за каждой телега, один ямщик гонит* Кыштов Новосиб., 1965. ||

Пять сменных лошадей одного ямщика, участника товарного извоза. *Итак за сутки всю пятерку переменяешь* Том., 1960. 2. ‘Кадка, вмещающая пять мер зерна’ Самар., 1858, Слов Акад. 1961. 3. ‘Доска толщиной в пять сантиметров’. *Были двадцатки – доска в двадцать миллиметров, пятерка – пятьдесят миллиметров* Амур., 1983. 4 ‘Рыболовная сеть с ячейей в 5 см’. *Вяжешь сетку с очком в пять сантиметров – пятерку*. Амур., 1983. 5 ‘Коса с полотном около 50 см’. *Косы разные бывают, есть пятерка – это пятьдесят сантиметров. Пятерка называлась коса в пять ладоней*. Амур. [12, т. 33, с. 220].

В русском литературном языке можно констатировать наличие словообразовательных цепочек *пять – пятерка – пятерочка* (возможной в целом ряде значений слова *пятерка*) и *пять – пятерка – пятерочник – пятерочница*, представляющей развитие 2-го значения слова *пятерка*. В русских народных говорах слово *пятерка* реализует свой деривационный потенциал посредством семантической деривации (6 различных значений) и в лексикализации формы множественного числа. Ср.: *пятерки* ‘Ткацкие станки, вырабатывающие ткань шириной около 18 см.’ *На первой, ткацкой есть пятерки* Егор. Моск., 1957–1959.

Целый ряд слов, отмеченных в Словообразовательном словаре А. Н.Тихонова [14], охарактеризован в [13]. Ср.: *Пятин* 1. ‘Один из пяти территориально-административных районов, на которые делились земли Великого Новгорода’. [Шведы] в согласии с немецкими рыцарями попытались захватить новгородскую балтийскую пятину (А. Н.Толстой). // Население этого района. 2. ‘Пятая часть (урожая, доходов и т. п.), взимаемая в старину за аренду земли, за провоз и т. п.’. *Пятинный* ‘Относящийся к пятине’. *Пятинные деньги*. *Пятинное* деление Новгородской области появляется уже в актах московского времени (Ключевский) [13, т. 11, с. 1828].

Словообразовательная цепочка *пять – пятин* – *пятинный* актуальна для обоих значений слова *пятин*.

Пятитка ‘Устар., простореч. То же, что и пятерка’. *Пятишница* Простореч. ‘То же, что пятирублевка’. – Даст ему дед пятишницу, он на три рубля купит, а на десять украдет, невесело говорила она (М. Горький). *Пятница* ‘Пятый день недели’. *Пятничный* ‘Относящийся к пятнице, происходящий в пятницу’. *Пятничный спектакль* [13, т. 11, с. 1837].

Словообразовательные пары: *пять – пятитка*, *пять – пятишница*, *пяток – пятючек*, *пять – пятый*.

Как видно, набор и качество (семантическое содержание) словообразовательных пар в литературном языке и в говорах могут существенно отличаться.

Словообразовательная цепочка – *пять – пятница – пятничный*.

Пяток 1. ‘Счетная единица – пять одинаковых предметов; половина десятка’. Продавать яблоки *пятками*. // Разг. Количество из пяти единиц; пять. Около него шумел и кричал целый *пяток* различного возраста детей (Писемский). 2. Устар. и обл. ‘Пятница’. В среду и *пяток* [монахи] оставались без трапезы (Салтыков-Щедрин). *Пяточек* ‘Ласк. к пяток (в 1-м знач.)’. *Пятак* ‘1. Монета или сумма в пять копеек’. *Пятачок* ‘1. Ласк. к пятак (в 1-м знач.)’. *Пятаковый* ‘Ценою в пятак, стоящий пять копеек’. Он шел в церковь, ставил иконам *пятаковые* свечи и усердно молился (Новиков-Прибой). *Пятачковый* ‘Ценою в пятак, стоящий пять копеек’. [Я] зашел в магазин Юдина и купил *пятачковую* палочку шоколада (Вересаев) [13, т. 11, с. 1820].

Словообразовательные цепочки: *пять – пятак – пятак*; *пять – пятак – пятак* – *пятачок* – *пятачковый*. Семантика проста и очевидна.

В системе литературного языка, как известно, также имеют место следующие слова: *впятеро* ‘В пять раз, в пять частей, долей, слоёв и т. п.’. *Сложить, свернуть впятеро*. *Впятером* ‘В количестве пяти человек (или очеловеченных животных – в баснях, сказках)’. *Мы выехали из Петербурга впятером*. *В-пятых* ‘В пятый раз по счету’ [13, т. 2, с. 784]. *Упятерять* (упятерить) ‘Увеличивать, усиливать в пять раз’. *Упятерять доходы*. *Упятеряться* (упятериться) ‘Увеличиваться, усиливаться впятеро’ [13, т. 16, с. 799].

Подводя итоги некоторых наблюдений, можно выделить три группы имеющих место отношений. Во-первых, есть словообразовательные пары как объединения слов в системе литературного языка. Во-вторых, есть словообразовательные пары диалектные, которых не знает литературный язык. И, в-третьих, есть такие производные слова в говорах, которые могут обнаруживать в той или иной мере связи с литературным языком, но претендуют на роль «заполнителей»

лакун [15]. Например: *пятничать* ‘Поститься по пятницам’ Слов. Акад. 1822. *И пятничает, и понедельникает, да сплетничает* Даль. *Пятниться* ‘Быть непостоянным, часто менять свои решения’ Ветл. Костром., 1917. Ср.: *У него семь пятниц на неделе*. Объединяющее обе подсистемы слово *пятница* ‘Пятый день недели’. У А. Н. Тихонова еще отмечено прилагательное *пятничный* ‘Относящийся к пятнице, происходящий в пятницу’. *Пятничный спектакль*. В [12], кстати, данное прилагательное отсутствует.

Совершенно очевидна возможность моделирования такого фрагмента словообразовательного гнезда, в котором синтезированы деривационные возможности обеих подсистем [16]. Включаемые слова (и выражаемые ими значения!) (*пятничать, пятниться* и, кстати, *пятничный* (!)) совершенно очевидны, жизненны и актуальны (когнитивно значимы) для системы языка в целом.

Рассмотрим еще один пример. Слово *пяток*, безусловно, есть результат деривации от числительного *пять*. Однако семантический объем и «разброс» возможных значений у этого деривата в системе литературного языка и в говорах различен. В системе литературного языка (по данным [13]):

Пяток 1. ‘Счетная единица – пять одинаковых предметов; половина десятка’. Продавать яблоки *пятками*. // Разг. Количество из пяти единиц; пять. Около него шумел и кричал целый *пяток* различного возраста детей (Писемский). 2. ‘Устар. и обл. Пятница’. В среду и *пяток* [монахи] оставались без трапезы (Салтыков-Щедрин) [13, т. 11, с. 1839].

В говорах: 1. *Пяток* 1. ‘Пять копеек’ Р. Урал, 1976. 2. ‘Отметка пять, отлично’ Волог., 1901. 3. ‘Участок земли на пять человек, равный одной десятине’ Вышневол. Калин., 1938–1940 || Мера земельной площади в пять квадратных саженой Одесск., 1969. 4 ‘Рыболовные сети в пять саженой длины (около 10,6 м)’ Пинеж. Арх., 1902. || Часть сети длиной в семь саженой (около 15 м), составляющая крыло невода. Галич Костром., 1914. 5. ‘То же, что пятерик (в 3-м знач.)’ Каин. Том., 1895–1896. *Из пятков снопы и скирды кладут*. Р. Урал || Пятком, пятками (ставить и т. п.), в знач. наречия *Снопы ставят пятком* Р. Урал, 1976. 6. ‘Копна или стог сена, соломы и т. п.’ Грязов Волог., 1905. 7. ‘Мера льняного волокна, обычно равная 50 связкам, горстям льна’ Слов. Акад. 1822. Кинеш., Костром., 1846. *Кербь – десять десятков по двадцать волокон, – пяток – полкерби*. Калин. Сев.–Двин., 1928. 8. ‘Пять лык как единица счета’ Тобол., 1899. 9. ‘Детская игра в бабки или в пять камешков’ Кадн., Волог. Волог., 1890. *Пятки* Новг. Новг., 1905–1921 *Пятки – когда один ловит, а как упустил, так и проиграл*. Дон. 10. ‘Мн. Карточная игра’ *Сыграем что ли в пятки?* Буйск. Костром., 1897. 11. ‘День недели пятница’ Бобр. Ворон., 1857. *В пяток курицу на яйца не сажают, цыплята не живут* Даль [12, т. 33, с. 233 – 234].

Семантический диапазон возможных результатов деривации *пять – пяток* в говорах просто поражает! И вновь возвращает нас к необходимости обсуждения давно пройденного в теории словообразования – понятию словообразовательной пары. Среди высказанных в самом начале статьи некоторых точек зрения на особенности смысловых отношений, которые возможны между производящей и производной единицами в рамках подобных объединений наиболее очевидным считается следующее определение: «*Словообразовательная пара*. Члены словообразовательной пары – производящее и производное – связаны между собой и формально, и семантически... Значение производного формируется на базе семантики производящего. Производящие и производные слова связывает не какое-то общее значение, не какая-то общая идея, заложенная в корне слова и свойственная всем однокоренным словам. Каждое производное слово возникает на базе строго определенного значения производящего. Семантическая общность однокоренных слов базируется на конкретных лексических значениях, свойственных производящим словам словарного гнезда... Наличие общего семантического элемента, семантическая выводимость производного слова из производящего является основным условием объединения их в словообразовательную пару...» [17, т. 1, с. 612, 616]. При этом возникает вопрос: можно ли говорить о словообразовательной паре синтезированного типа, если диалектное производное слово в одном говоре совершенно очевидно связано с лексическим значением диалектного (или недиалектного (!)) слова в другом говоре? При этом никак не нарушаются требования теории к основаниям объединения двух слов в словообразовательную пару! Хорошо известно, что во многих случаях исходные (производящие) общеупотребительные слова в Словаре говоров не приводятся (!) (понятно, что они есть в говорах, и носитель их знает), но производные слова могут быть очевидным образом по лексическому значению связаны с этим производящим. Ср.: *пять – пяток* (4. ‘Рыболовные сети

в пять сажен длины (около 10,6 м) Пинеж. Арх., 1902. 7. || Мера льна из пяти пучков. Сев-Двин., 1928. Ярослав. || Мера льна из пяти десятков (ста волокон) Новоторж. Твер., 1915–1926. *Много ли пятков намяли?* Калинин. 8. 'Пять лык как единица счета' Тобол., 1899. 9. 'Детская игра в бабки или в пять камешков' Кадн., Волог 1890) [12, т. 33, с. 234]. В данном случае совершенно очевидна связь с числительным *пять!* И в этой связи возникает другой вопрос: о различии в степени обобщенности, отвлеченности семантики литературного слова и диалектного [18, с. 178–183]. Ср. литературное слово *пятюк* в 1-м значении и значения (оттенки значения) диалектного (диалектных вариаций) слова *пятюк!* Но, в любом случае, мы имеем словообразовательные пары, как собственно системы литературного языка, так и синтезированного типа! Тем более, что реальная лексикографическая практика отражения фрагментов словообразовательного гнезда «не справляется» с причудливыми пересечениями различных лексических значений многозначных производящих и производных единиц!

При *опосредованной* мотивации предполагается «нерушимость» «морфемообразующей» «постоянной» словообразовательной пары. Все-таки сначала «образуем» слова, а потом уже возможны «сюрпризы» от семантики! Если не принимать (в силу разных причин) термин «лексико-словообразовательный...», то все равно следует признать существование *различных видов словообразовательных пар* как минимальных объединений родственных слов. Ведь есть различные виды мотивационных отношений (метафорическая и др. виды мотивации), но их наличие не разрушает единства словообразовательной пары! И, естественно, в лексикографии словообразования все это учесть просто невозможно, поэтому *фрагменты словообразовательного гнезда* – это, в первую очередь, *модель построения*, модель *реализованной комбинаторики аффиксов!*

Резюмируя все сказанное, можно сформулировать следующий риторический вопрос или утверждение: если в свое время рассуждали о лексическом значении словообразовательной цепочки (см. работы А. Н. Тихонова) как сумме (или произведению) лексических значений составляющих слов, то почему с учетом известного представления о лексико-семантическом варианте слова не говорить о *лексико-семантических вариантах словообразовательных пар*.

Список использованных источников

1. Тихонов, А. Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 3–13.
2. Тихонов, С. А. Структура словообразовательных цепочек глаголов звучания / С. А. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 124–130.
3. Осильбекова, Д. А. Словообразовательные цепи отглагольных локативных существительных / Д. А. Осильбекова // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 211–214.
4. Черненко, Н. М. Словообразовательные цепи собственных имен / Н. М. Черненко // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 380–382.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
6. Новиков, Л. А. Некоторые вопросы словообразовательной семантики / Л. А. Новиков // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 19–21.
7. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го франц. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
8. Ермакова, О. П. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте / О. П. Ермакова // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. / Самарканд. гос. пед. ин-т. – Ташкент, 1982. – С. 39–41.
9. Ермакова, О. П. Лексическое значение производного слова в русском языке / О. П. Ермакова. – М. : Рус. яз., 1984. – 151 с.
10. Тихонов, А. Н. Лексическое гнездо в современном русском языке / А. Н. Тихонов. – Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2006. – 270 с.
11. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.
12. Словарь русских народных говоров. – М. ; СПб., 1965–2016. – Вып. 1–49.
13. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 17 т.
14. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. : около 145000 слов / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 2 т.
15. Никитевич, А. В. Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах языка / А. В. Никитевич // Словообразование и лексикология : докл. от Десетата междунар. конф. на Комисията по славянско словообразуване при

Международ. ком. на славистите, София, 1–6 окт. 2007 г. / Софийски ун-т «Св. Климент Охридски». – София, 2009. – С. 186–196.

16. Никитевич, А. В. Деривационное гнездо как объект и модель в славянской словообразовательной лексикографии / А. В. Никитевич // Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XVI Міжнар. з'езд славістаў (Бялград, 20–27 жн. 2018 г.) : дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. камітэт славістаў ; адказны рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2018. – С. 112–124.

17. Русский язык. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий : [в 2 т.] / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 2 т.

18. Никитевич, А. В. Деривация и смысл / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 233 с.

References

1. Tikhonov A. N. Problems of the study of complex units in the system of word formation. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 3–13 (in Russian).

2. Tikhonov S. A. Structure of word-formative chains of verbs of sounding. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 124–130 (in Russian).

3. Osil'bekova D. A. Word-formative chains of locating nouns formed from verbs. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 211–214 (in Russian).

4. Chernenko N. M. Word-formative chains of own names. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 380–382 (in Russian).

5. Potebnaya A. A. *Thought and language*. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p. (in Russian).

6. Novikov L. A. Some questions of word-formative semantics. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 19–21 (in Russian).

7. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. 3rd ed. Berne, A. Francke, 1950. 440 p.

8. Ermakova O. P. Word-formation chain in semantic aspect. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word formation: collection of scientific articles]. Tashkent, 1982, pp. 39–41 (in Russian).

9. Ermakova O. P. *Lexical meaning of a derivative word in the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984. 151 p. (in Russian).

10. Tikhonov A. N. *Lexical nest in the modern Russian language*. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin, 2006. 270 p. (in Russian).

11. Yantsenetskaya M. N. *Semantic questions of the theory of word formation*. Tomsk, Publishing house of Tomsk University, 1979. 242 p. (in Russian).

12. *Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1–49*. Moscow, St. Petersburg, 1965–2016. (in Russian).

13. *Dictionary of the modern Russian literary language*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950–1965. 17 vol. (in Russian).

14. Tikhonov A. N. *Word-formation dictionary of the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985. 2 vol. (in Russian).

15. Nikitevich A. V. Word-formation lacunae in the lexical subsystems of the language. *Slovoobrazovaniye i leksikologiya: doklady ot Desetata mezhdunarodna konferentsiya na Komisiyata po slavyansko slovoobrazovaniye pri Mezhdunarodniya komitet na slavistite, Sofiya, 1–6 oktombri 2007 g.* [Word-formation and Lexicology: reports from the 10th International conference of the Slavic Word Commission at the International Committee of Slavists, Sofia, October 1–6, 2007]. Sofia, 2009, pp. 186–196 (in Russian).

16. Nikitevich A. V. Derivational nest as object and model in Slavic word-formative lexicography. *Movaznaustva. Litaraturaznaustva. Fal'klarystyka : XVI mizhnarodny z'ezd slavistau (Byalgrad, 20–27 zhniunya 2018 g.): daklady belaruskai delegatsyi* [Linguistics. Literary study. Study of folklore: reports from the 16th International Congress of Slavists, Bialgrad, February 20–27, 2018: reports of the Belarusian delegation]. Minsk, 2018, pp. 112–124 (in Russian).

17. Tikhonov A. N., Khashimov R. I. (eds.). *Russian language. Encyclopedic dictionary-reference book of linguistic terms and concepts*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 2 vol. (in Russian).

18. Nikitevich A. V. *Derivation and meaning*. Grodno, Grodno State University, 2014. 233 p. (in Russian).

Информация об авторе

Никитевич Алексей Васильевич – доктор филологических наук, профессор. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: anikit@inbox.ru

Information about the author

Alexey V. Nikitevich – D. Sc. (Philol.), Professor. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, Belarus). E-mail: anikit@inbox.ru